

В ПОНЕДЕЛЬНИК Москва узнала о существовании нового Благотворительного фонда Георгия Свиридова, учредителями которого стали вдова композитора Эльза Свиридова и несколько банкиров. В попечительский совет фонда вошли Дмитрий Лихачев, Валентин Распутин, Юрий Соломин, Владимир Федосеев, другие деятели культуры и бизнеса. А акцией, позволившей фонду заявить о себе, стал благотворительный концерт еще одного члена этого совета певца Дмитрия Хворостовского, который уже давно не появлялся в столичных концертных залах.

Слава Хворостовского в нашей стране безмерна, о чем свидетельствовал полный аншлаг. На Западе к нему относятся куда как спокойнее, давно уже не питая иллюзий по поводу вокальных и актерских способностей представителя далекой и экзотичной Сибири. Молодой русский баритон — фигура, символично отра-

«творческое плато», когда технические недостатки его вокала перекрывают все артистические порывы и в состоянии удовлетворить только многочисленных поклонников симпатичного мужчины с бросающейся в глаза седой шевелюрой.

Вопреки бытующему у нас мнению западные контракты певца не так уж великолепны и каких-нибудь пять-шесть оперных партий (Онегин и Елецкий — обязательны), исполняемых Хворостовским повсюду, по тамошним меркам не Бог весть что. Поэтому постепенно русский баритон превращается в камерного певца, тем более что с годами его голос все труднее справляется с большими театральными залами.

Московский концерт открывался вокальным циклом Малера «Песни об умерших детях» на слова Рюккерта, цикла культового для исполнителей немецкой камерной музыки, имеющего множество первоклассных интерпретаторов и десятки раз записанного. С первого же номера и до конца концерта Хворостовский и его постоянный

было не настолько выдающимся, чтобы на этом месте поставить точку.

Во втором отделении звучала музыка Свиридова, светлой памяти которого был посвящен концерт. Поэма для голоса и фортепиано на слова Блока «Петербург» впервые прозвучала в конце 1995 года в рамках юбилейного фестиваля Свиридова. Еще тогда с удивлением мы узнали, что в цикл этот вошли три песни из Блоковского цикла 70-х, посвященного Елене Образцовой, а также еще один номер из «Петербургских песен» 60-х годов. Поэтому особенно странно прозвучало посвящение всего «Петербурга» Хворостовскому. Впрочем, тому есть объяснение: Хворостовский удостоился внимания композитора, поскольку первым стал исполнять вокальные циклы Свиридова на Западе. Интерпретация Хворостовского — Аркадьева знаменитой «Отчавившей Руси» на слова Есенина была названа композитором выдающейся, хотя достаточно сравнить их исполнение со старой пластинкой — дуэт Образцовой

ПЯТЬ ПЕСЕН, НОВЫХ И СТАРЫХ

Концерт Дмитрия Хворостовского
памяти Георгия Свиридова

На обложке компакт-диска с записью «Отчавившей Руси» Свиридова Дмитрий Хворостовский запечатлен на фоне избу.

жающая все условия существования рынка классической музыки в конце XX века, когда раскрутка и умелое имиджмейкерство играют порой более значительную роль, чем талант, вокальная техника и правильный подбор репертуара. В одночасье превратившийся из солиста Красноярского оперного театра в любимца западных импрессио, Хворостовский сумел быстро растерять все лучшие свойства своего голоса. В те годы, когда на его московских концертах толпы разогнала конная милиция, в хоре российских СМИ, забывших о существовании всех других вокалистов на свете, уже звучали голоса о «рубашкинской» природе таланта Хворостовского. От совершенного превращения в поп-звезду его удерживают все те же импрессио, но как забыть русскому слушателю непозволительные для русского певца «Очи черные», спетые на бис после «Песен и плясок смерти» Мусоргского в Петербурге?

Постепенное освоение репертуарных и театральных высот для вокалистов всегда было важнее стремительного взлета. Хворостовский сейчас в том возрасте, когда певцы должны расти год от года. Для него же, как свидетельствуют все последние его выступления (не только в московских концертах, но и в слышанных мною «Свадьбе Фигаро» Моцарта в Зальцбурге и «Пиковой даме» Чайковского в Вене), эти годы превратились в

концертмейстер Михаил Аркадьев существовали на сцене врозь, и у обоих внутренняя экспрессия малеровской музыки подменялась внешними театральными эффектами (сложное вступление к последнему номеру Аркадьев сыграл просто из рук вон плохо). То, что должно было только угадываться в скорбном и фатальном мировосприятии композитора, выплескивалось в криках, тем более что каждый из сложнейших «ходов наверх» вызывал у певца сложности и он начинал, как говорят вокалисты, «горлнить».

Вполне естественное для нашей вокальной школы пение «на связках», когда задушенный голос не покрывает зал, а красивый от природы тембр становится монохромным, подкреплялось и отсутствием вокальной ровности, столь необходимой для исполнителя немецких Lieder. Проглатывание первых букв в немецких словах и целых слов во втором номере цикла также не прибавило положительных впечатлений от этой интерпретации. Не получились у Хворостовского и музыкальные контрасты цикла (например, переход от третьего к четвертому номеру) — все было спето монотонно и однообразно. Заявленный в этом же отделении Пушкинский цикл Свиридова был снят, и публика была несколько удивлена укороченным отделением. Краткость, конечно, сестра таланта, но исполнение «Песен»

и Свиридова, чтобы недостатки исполнения молодой поросли (к тому же запечатленные фирмой «Philips») стали очевидны. Но честь и хвала Хворостовскому, что он доносит до западного слушателя музыку истинно русского композитора, которого за кордоном всегда считали слишком советским. Что поделать, западные представления о русской культуре трудно изживать (может, поэтому Хворостовский на обложке компакт-диска запечатлен на фоне деревенского сруба?). Но и на нас эти стереотипы влияют: когда Свиридов умер, все информационные агентства передавали трагическую реакцию Хворостовского, как будто кроме него музыку Свиридова никто и никогда не пел.

Возвращаясь к московскому концерту, следует все же отметить, что пять новых песен, написанных Свиридовым для «Петербурга», да и весь цикл целиком сильно уступают его более ранним произведениям — той же «Отчавившей Руси», циклам на слова Пушкина и Блока (хотя, может быть, на это впечатление повлияло среднее исполнение). Главные достоинства вокальной музыки Свиридова — ее непримитивная фольклорность, истинно русская эмоциональность, неразрывная и основополагающая связь с русским словом — и делают ее «неконвертируемой» для западного слушателя и, наоборот, желанной для русской публики. Для Хворостовского она просто находка, стопроцентно его репертуар.

Но все вокальные просчеты первого отделения повторились и во втором, вновь монотонность исполнения погубила контрасты, а «русскость» (в лучшем смысле этого слова) музыки превратилась в классический вариант а ля рус. В Москве, слава Богу, слышали много разных и хороших исполнителей свиридовской вокальной лирики. И нельзя же считать серьезным это громыхающее и полное псевдоэффектных приемов концертнующего солиста исполнение фортепианной партии, планку для которой когда-то задавал сам Георгий Васильевич. В финале, когда Хворостовский рассылал балконам воздушные поцелуи, стало и вовсе неудобно. Концерт памяти Свиридова, задуманный как важная культурная акция (второе отделение транслировал телеканал «Культура») превратился в очередную демонстрацию всенародной любви к звезд-

де-...